

Крицкая Надежда Вадимовна

ДЖОН ГЕЙ, АНГЛИЙСКИЙ ЛАФОНТЕН

В статье рассматриваются содержательные особенности басен Джона Гея. Обратившись к басне в период национального расцвета жанра, Гей обогащает ее аллегорическую и дидактическую сущности актуальным пониманием натурфилософии, культуры и общественного устройства своего времени. Попытка социальной типизации персонажей, внедрение в текст элементов пародии, аллюзии к фольклорному и литературному материалам наряду с пониманием "морали" как инструмента продвижения просветительских идей отличают оригинальные басни Гея, удостоенного титула "английского Лафонтена".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 116-118. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**DEVELOPMENT OF STUDENT-TEACHER'S PROFESSIONAL COMPETENCE
OF PROFILE "FOREIGN LANGUAGE" WITHIN ELECTIVE COURSE "LYRICS OF GERMAN EXPRESSIONISM"**

Krasheninnikov Andrei Evgen'evich, Ph. D. in Philology
Krasheninnikova Galina Gennad'evna, Ph. D. in Pedagogy
Northeastern State University
kroschke@yandex.ru; kroschga@yandex.ru

The article considers the problem of competencies development in the sphere of cultural-educational activity and research activity of bachelor-level students from the direction of "Pedagogical Education", who study on the profile "Foreign Language" within the framework of the elective course "Lyrics of German Expressionism", proposed by the authors.

Key words and phrases: professional competence; professional orientation; educational activity; profile "Foreign Language"; Lyrics of German Expressionism.

УДК 821.111; 82-191

Филологические науки

В статье рассматриваются содержательные особенности басен Джона Гей. Обратившись к басне в период национального расцвета жанра, Гей обогащает ее аллегорическую и дидактическую сущности актуальным пониманием натурфилософии, культуры и общественного устройства своего времени. Попытка социальной типизации персонажей, внедрение в текст элементов пародии, аллюзии к фольклорному и литературному материалам наряду с пониманием «морали» как инструмента продвижения просветительских идей отличают оригинальные басни Гей, удостоенного титула «английского Лафонтена».

Ключевые слова и фразы: Джон Гей; английская басня; поэтика; классицистическая традиция; эпоха Просвещения.

Крицкая Надежда Вадимовна, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
nadia66@mail.ru

ДЖОН ГЕЙ, АНГЛИЙСКИЙ ЛАФОНТЕН©

Малый жанр, «детская игрушка», литературная забава или «безделица» – как только не называли басню критики XVII-XIX веков, подчеркивая ее скромное место в жанровой иерархии, – и все-таки находили оправдание ее популярности и долголетию в литературной истории. Английский теоретик жанра Р. Додсли так выразил свое отношение к таланту баснописца: «<...> и изготовитель шпилек и булавок является художником в той же мере, что и корабельный мастер <...>» [6, p. 70].

Одним из таких «корабельных мастеров», ставший наряду с Эзопом одним из корифеев и законодателей басенной моды, был «дядюшка Лафонтен», на которого в эпоху европейского Просвещения равнялись многие его собратья по перу. В течение столетий басня знала, главным образом, прозаические версии эзоповых басен, представлявшие скорее культурно-исторический, чем эстетический интерес и обеспечившие отношение к жанру как к дидактическому инструменту, где мораль задавала действия обобщенно-типизированных персонажей. Лафонтен, пришедший в басню в эпоху возрождения интереса к античному наследию, вдохнул в древний жанр новую жизнь, показав его поэтические возможности и приспособленность к решению актуальной просветительской задачи. Чувственная занимательность рассказа не отвлекала французского писателя от понимания примата морали, к которой он традиционно относился как к «душе басни»: «Нагая мораль наводит скуку / Повествование делает то, что вместе с ним проходит назидание» [1, с. 50]. Успех этих басен был феноменален, и к началу XVIII века имя Лафонтена стало нарицательным, подобно знаку отличия переходя от одного баснописца к другому и без границ кочуя по всей Европе.

В Англии звание «Лафонтена» снискал Джон Гей (1685-1732). «Английский Лафонтен» пришел к басне почти на шестьдесят лет позднее французского, в период значительных потрясений английского общества. Функционально-политический потенциал басен, их приспособленность для иносказательного выражения политического и гражданского кредо, а также для сведения счетов от личного до государственного уровня привели к тому, что в период становления буржуазного государства огромен был не только интерес, но и потребность в басне [3]. И именно Гей с его диапазоном знания как дворцовой, так и уличной лондонской жизни называют человеком, способным соединить противоположные полюса и заполнить пропасть между Граб-Стрит и рафинированной августинской литературой [11].

Две книги басен Гей появились на свет в 1727 и 1738 годах, когда помимо басен Лафонтена наиболее читаемыми в Англии считались басни Р. л'Эстранжа, Б. Мандевилля, Д. Локка и М. Прайора. Басни Гей, однако,

затмили успех его предшественников; современники признавали, что помимо них «ни одни басни на английском языке не смогли надолго привлечь внимание публики» [5, р. 4]. Действительно, популярность «Басен» было трудно превзойти: более трехсот пятидесяти раз они были напечатаны с момента своего появления, причем иногда по несколько тиражей в год (так, в 1777 году – спустя 50 лет после первого издания – «Басни» были одновременно напечатаны в Лондоне, Дублине, Эдинбурге и Париже). В духе времени, они были встречены как остроумные и тонкие сатиры на актуальную политику и нравы, однако постепенно пришло понимание их особенного места в жанровой традиции. Не ставя задачи оценки художественных достоинств этих басен, заслуживающих отдельного внимания (так, по мнению критика XIX века, их язык является «образцом для таких сочинений» [7, р. 30]), остановимся на принципиальных содержательных особенностях, выделяющих басни Гея из общего корпуса басенного материала интересующего нас периода.

Со времен Эзопа басня представляла собой аллегорический рассказ, призванный проиллюстрировать назидательную «мораль». Классицистическая парадигма требовала соблюдения достаточно жесткого жанрового канона, где за каждым басенным героем закреплялась какая-либо функция, определяющая и регулирующая его поведение в пределах сюжета. Басни Гея, появившиеся в эпоху расцвета классицизма, вместе с тем обнаруживают тенденцию к отходу от однозначной формализации, при этом многие из их обобщенных типажей трансформируются скорее в характерных персонажей, очеловеченных и социально типизированных.

Традиционная басенная проблематика у Гея актуализируется злободневным материалом, в котором поэт, благоденствие которого напрямую зависело от диспозиции звезд на политическом небосклоне, не знал недостатка (чего стоит его печально-ироничная эпитафия «самому себе»: «Какая шутка наша жизнь земная! Так раньше думал я. Теперь я это знаю» (*пер. С. Я. Маршак*) [10, р. 289]). Для социально- и политически ориентированных басен Гея характерны персонажи, не просто олицетворяющие те или иные человеческие качества, но подразумевающие конкретных исторических лиц: в Орле (Eagle) современники узнавали королеву, в Петухе (Cock) – главнокомандующего, Совы (Owls) были сторонниками Ганноверов, лебедь (Swan) – тори и т.д. Вместе с тем, узнаваемые портреты деятелей современности типизируют в этих баснях то или иное социальное явление, представляя читателям генерализованные образы современных политиков, литераторов, военачальников. Аллегоричность здесь используется скорее как вторичный аргумент и дань жанровой традиции, в то время как основная мысль либо прямо озвучена в «морали», либо эксплицируется в объемных авторских отступлениях и в адресации отдельных басен («К самому себе», «Деревенскому джентльмену», «Юному наследнику» и проч.). Примером такого рода может послужить вступление к басне «Стервятник, Воробей и Другие Птицы», однозначно ориентирующее читателя на объект авторской иронии: «Ere I begin, I must premise / Our ministers are good and wise; / So, though, malicious tongues apply, / Pray what care they and what care I?» [7, р. 132] / С самого начала я должен предупредить, что наши министры благонаправны и мудры; и если злые языки на них наговаривают, то что есть они, и что есть я?

Одним из элементов индивидуализации басенных «актеров» у Гея является прием пародии: поэт пародирует как литературные события (например, басня «Вороны, Могильщик и Червяк» отсылает читателей к черепу бедного Йорика и пародийным церковным мессам, а басня «Стихотворец и Роза» – к популярным любовным посланиям), так и реальные феномены английской жизни (басня «Совет коней» является блестящей пародией на парламент, «Ищейка и Медеянская собака» – на судебный процесс и проч.) [2, с. 5].

Таким образом, обладая вполне конвенционной структурой, содержательно басни Гея представляли собой некий жанровый «микс», в котором черты пародии, политической сатиры, изящной иронии и собственно басенная аллегоричность составляют нерасчленимое целое.

«Мораль» этих басен чаще комментирует басенную ситуацию не с традиционной для жанра точки зрения «житейской мудрости», а с позиции духовных и добродетельных принципов, идеалов Просвещения. Гей пытался следовать традиционному убеждению о примате морали над рассказом, о чем свидетельствует письмо к нему Свифта, который сам пробовал себя в жанре басни (Dublin, July 10th, 1732): «...ничего не ценю я так, как басни, и нет ничего более трудного, в чем можно было бы преуспеть: Вы, однако, делаете это превосходно, и меня всегда восхищал ваш успех на том поприще, где мои попытки оказывались тщетны. Я делал все, как Вы подсказывали: сначала подыскивал мораль, затем продвигался к рассказу <...>» [9]. Вместе с тем, многие фабулы Гея отнюдь не однозначны, и благие намерения поэта, окрашенные горьким личным опытом и знанием реальной, а не идеализированной жизни, уводили его от добродетельных постулатов. Поэтому некоторые из басен вызвали негативную критику ортодоксальных и религиозных комментаторов, посчитавших, вслед за первым биографом Гея С. Джонсоном, что поэт «не имел отчетливого понятия» о том, как должны «работать» басни, и что из них «трудно почерпнуть моральный урок» [8].

Интересным аспектом ряда басен Гея, практически не заявленным у его предшественников и современников, является извлечение «морали» из законов природы, демонстрирующее превосходство естественнонаучных знаний над «культурными» принципами. Неслучайно уже во вводной басне второй книги спор между неграмотным пастухом и многоученым философом выигрывает первый из названных, обнаруживший истинный источник мудрости не в книгах, а в «простой природе» – причем его оппонент с готовностью признает свое поражение. Конечно, «простая природа» в понимании Гея, человека Просвещения, была не так уж «проста»: в духе времени это понятие экстраполировалось на естественно-научные знания, обладание которыми в рамках натуральной философии считалось индикатором моральной утонченности и «просвещенности». Так, в басне «Булавка и Магнитная Игла» последняя обладает абсолютным приоритетом перед модной булавкой: несмотря на блестящее происхождение, булавка пригодна лишь для портних, а скромная игла-компас – для навигации, благодаря чему «открыты отдаленные миры и обе Индии в наших руках» [7, р. 104].

Этот последний аспект – «наши руки», наложенные на «обе Индии», – характерен еще для одной принципиальной черты басен Гея – их «английскости», не допускающей никакой отвлеченной и абстрактной локализации, имея местом действия *английский* скотный двор, *английское* пастбище, будуар *английской* леди и проч. Сюжеты басен, разворачивающихся в рамках национального топоса, без исключения оригинальны (в отличие от традиции, бесконечно перетасовывающей античные истории). Некоторые басни имеют своим источником фольклорное начало, отсылая просвещенного читателя к персонажам народных сказок и легенд: в басне «Мать, Нянька и Фея» нянька сетует, что феи подменили младенца, оставив вместо него деревянную куклу («*changeling*»), а пролезавший через замочную скважину крошечный эльф («*prigmy sprite*») клеймит людскую глупость; в басне «Старуха и ее Коты» появляется деревенская ведьма во всей своей амуниции; насмешливая басня «Жена Фермера и Ворон» показывает нелепость народных примет и суеверий – при этом подробно их перечисляя.

Таким образом, басни Гея превосходят положение Э. Юнга об оригинальном сочинении (1759) и о том, что авторитет великих древних создает неуверенность поэта в себе, сдерживает его фантазию: «Великолепие их славы пугает нас, порождает неуверенность, которая хоронит веру в наши собственные силы» [4, с. 154].

Несмотря на вдохновение Гея по отношению к преимуществам естественно-научных знаний, его басни поднимают неожиданную для своего времени и остроактуальную сегодня экологическую тематику, обращаясь к теме эксплуатации животных и хищническому отношению людей к природе. Они обнажают слепоту человека, рассматривающего животных исключительно как предмет потребления – овец для шерсти, быков для вертелов, лошадей для удил – и приносящего их в жертву собственным нуждам и аппетитам. И когда жеребенок в басне «Совет коней» отказывается повиноваться кнуту, его пыл тут же остужает патриарх стада, убеждающий «горящего яростью» строптивца в том, что взаимоотношения лошади и «благодарного человека» определяются взаимными услугами: лошади «терпят боль» и помогают человеку «возделывать поля», а тот, в свою очередь, дает кров и пищу. Этому «Нестору равнин» удается убедительно доказать несмышленишу необходимость играть роль, «предписанную небом», в результате чего тот «подчинился и, как его предки, был взнуздан» [7, р. 179]. Гей с блестящей иронией показывает, что роль понукаемого в этом альянсе предписана не столько «небом», сколько человеческим соглашением, узаконивающим социальные роли и выгодным тому, у кого в руках кнут.

Таким образом, оригинальные и глубоко национальные басни Гея, отражающие актуальное понимание натурфилософии, социального и культурного устройства Англии периода становления буржуазного государства, являются своеобразным и точным, хотя и ироничным зеркалом своего времени. Традиционная ригоричность жанра обогащается в этих баснях элементами пародии и социальной типизации, фольклорными и литературными аллюзиями, пронизывающими басенный текст. В то же время, поэт выстраивает из всего этого единую и комплексную структуру, не только содержательно глубокую, но и блестяще исполненную. Именно сочетание этих качеств позволило позднейшим комментаторам признать баснописца «английским Лафонтеном», достойным прославленного титула.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Феномен Крылова в компаративистском аспекте: попытка подступа к парадоксу // Sub. Rosa / Köszöntő könyv Lena Szilárd tiszteletére. Budapest, 2005. С. 48-59.
2. **Жиленков А. Н.** Жанровое своеобразие басенного творчества Джона Гея: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1993. 18 с.
3. **Крицкая Н. В.** Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2010. Вып. 8 (98). С. 70-72.
4. **Луков В. А.** Предромантизм. М.: Наука, 2006. 683 с.
5. **Collection of Fugitive Fables, original and selected.** L., 1792. 240 p.
6. **Dodsley R.** An Essay on Fable // Selected Fables of Aesop, and Other Fabulists. L., 1764. 186 p.
7. **Gay J.** The Fables of John Gay / with Biographical and Critical Introduction and Bibliographical Appendix by W. H. K. Wright. L. – N. Y., 1889. 299 p.
8. **Johnson S.** Lives of the Poets: Gay, Thomson, Young, and Others [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/4678/4678.txt> (дата обращения: 10.10.2013).
9. **Melville L.** Life and Letters of John Gay (1685-1732) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/13790/13790-h/13790-h.htm> (дата обращения: 10.10.2013).
10. **Topsy-Turvy World.** English Humour in Verse. M.: Progress Publishers, 1978. 320 p.
11. **Wilson P.** England's Augustan Peter Pan? [Электронный ресурс] // Times Higher Education. 1995. 26 June. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/books/englands-augustan-peter-pan/161662.article> (дата обращения: 10.10.2013).

JOHN GAY, ENGLISH LA FONTAINE

Kritskaya Nadezhda Vadimovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
nadia66@mail.ru

The article considers the content features of John Gay's fables. Referring to the fable in a period of national genre prosperity, Gay enriched its allegorical and didactic essences with the actual understanding of natural philosophy, culture and social structure of his time. The attempt of characters social typing, the introduction of parody elements into the text, allusions to folklore and literary materials, along with the understanding of «morality» as a tool for the promotion of enlightening ideas distinguish the original fables of Gay, who was awarded the title of «English La Fontaine».

Key words and phrases: John Gay; English fable; poetics; classic tradition; Age of Enlightenment.